

ОТ АВТОРА

Путешествие в древний мир Нефертити было для меня долгим. Оно началось с посещения Египетского музея в Берлине, где хранится ее прославленный бюст. У этого бюста у самого по себе длинная история, тянущаяся от его создания в Амарне и до того момента, когда его привезли в Германию, где он произвел фурор на первой же своей выставке в 1923 году.

Даже через три тысячи лет после смерти Нефертити ежегодно пленяет своим обаянием десятки тысяч посетителей. Ее загадочная улыбка и выразительный взгляд завладели моим вниманием и заставили задуматься, какой она была и как сделалась такой значительной фигурой в Древнем Египте.

Итак, идет 1351 год до н. э. Среди великих фараонов Египта уже были Хуфу, Амос и женщина-фараон Хатшепсут; Рамсесам и Клеопатре еще предстоит появиться. Нефертити пятнадцать лет. Ее сестре — тринадцать, и весь Египет у их ног.

ПРОЛОГ

Если верить словам визирей, Аменхотеп убил своего брата из-за короны Египта.

В третьем месяце Ахета* наследный царевич Тутмос лежал в своей комнате во дворце Мальгатта. Теплый ветер шевелил занавески в его покоях, неся с собою аромат тимьяна и мирры. С каждым дуновением ветерка длинные льняные полотнища колыхались, обвиваясь вокруг колонн, и мели испещренные солнечными пятнами плиты пола. Но двадцатилетний египетский царевич, которому следовало бы сейчас мчаться во главе царских колесниц навстречу победе, лежал на своем ложе, и его правая нога, раздробленная и распухшая, покоилась на подушках. Колесницу, с которой упал царевич, тут же сожгли, но вред уже был причинен. Тутмоса мучила лихорадка, и плечи его поникли. И пока шакалоголовый бог смерти подкрадывался все ближе, Аменхотеп сидел на другом конце комнаты в позолоченном кресле и даже не вздрагивал, когда его стар-

* Египетский год делился на три сезона по четыре месяца — Ахет («половодье»), Перет («выхождение») и Шему («засуха»); каждый месяц был разделен на 3 периода по 10 дней, что в сумме давало 360 дней в году. К этой цифре добавлялись пять дней, посвященных богам Осирису, Хору, Сетху, Исиде и Нефтиде. Начало года совпадало с появлением на небе звезды Сотис (Сириуса) 18 или 19 июля и разливом Нила. (*Прим. перев.*)

ший брат сплевывал мокроту цвета вина, говорившую визирям о его возможной смерти.

Когда Аменхотеп не мог больше смотреть на страдания брата, он вышел из покоев на балкон, глядящий на Фивы. Он скрестил руки поверх своей золотой пекторали и так и стоял, наблюдая за крестьянами, что жарким днем собирали полбу. Их фигуры скользили среди храмов Амона, величайшего дара его отца этой земле. Аменхотеп стоял над городом, размышляя о послании, что привело его из Мемфиса к ложу брата, и, когда солнце опустилось, царевича начали преследовать видения того, кем он теперь мог стать. Аменхотеп Великий. Аменхотеп Строитель. Аменхотеп Великолепный. Царевич видел это все перед внутренним взором, и лишь когда молодая луна взошла над горизонтом, раздавшееся позади шлепанье сандалий заставило его обернуться.

- Твой брат зовет тебя в свои покои.
- Сейчас?
- Да.

Царица Тийя повернулась к сыну спиной и заспешила в покои Тутмоса; Аменхотеп последовал за нею. В покоях собрались визири Египта.

Аменхотеп обвел комнату взглядом. Тут собрались старики, верные его отцу, люди, всегда любившие его старшего брата больше, чем его самого.

— Вы можете идти, — объявил он, и визири потрясенно посмотрели на царицу.

— Вы можете идти, — повторила она. Но когда старики вышли, Тийя резким тоном предостерегла сына: — Не смей обращаться с мудрецами Египта, словно с рабами!

— Они и есть рабы! Рабы жрецов Амона, собравших в своих руках больше земель и золота, чем мы! Если бы Тутмос дожил до коронации, он склонился бы перед жрецами, как все фараоны, которые...

Царица Тийя отвесила сыну звонкую пощечину.

— Не смей так говорить, пока твой брат еще жив!

Аменхотеп резко выдохнул и уставился на мать, подошедшую к Тутмосу.

Царица нежно погладила царевича по щеке. Ее любимый сын, храбрый и в битве, и в жизни. Они были так схожи — даже рыжеватыми волосами и светлыми глазами.

— Аменхотеп пришел повидаться с тобой, — прошептала Тийя, и пряди ее парика скользнули по лицу царевича.

Тутмос с трудом сел. Царица попыталась было помочь ему, но он жестом велел ей уйти:

— Оставь нас. Мы будем говорить наедине.

Тийя заколебалась.

— Все будет в порядке, — пообещал ей Тутмос.

Два египетских царевича посмотрели вслед уходящей матери. Лишь Анубис, кладущий сердце умершего на весы против перышка правды, знает наверняка, что произошло после того, как царица покинула покои. Но многие визири верят, что на суде сердце Аменхотепа перетянет перышко. Они думают, что оно отяжелело от злых деяний и что Амм, бог с телом льва и головой крокодила, пожрет его и обречет Аменхотепа на вечное забвение. Но какова бы ни была истина, той ночью наследный царевич, Тутмос, умер, и новый царевич занял его место.

1

1351 год до н. э.

Перет. Сезон роста

Когда солнце склонилось над Фивами, струя свои последние лучи над известняковыми утесами, наша длинная процессия зашагала по песку. В извилистой колонне, скользкой меж холмов, словно змея, первыми шли визири Верхнего и Нижнего Египта, за ними — жрецы Амона, а следом — сотни пришедших на похороны. В тени песок быстро остывал. Он набился мне в сандалии, а когда порыв ветра пронизывал мое тонкое льняное платье, я вздрагивала. Я вышла из процессии, и мне виден был саркофаг, который тянула на телеге упряжка быков — чтобы жители Египта знали, как богат и велик был наш царевич. Нефертити обзавидуется — она-то этого не видит.

«Я ей все расскажу, когда вернусь домой, — подумала я. — Если она не будет задаваться».

Лысоголовые жрецы шли позади нашей семьи, ибо мы важнее даже представителей богов. Они размахивали золотыми шариками, и идущий от них запах навел меня на мысль об огромных жуках, воняющих на ходу. Когда погребальная процессия добралась до входа в долину, грохот систрумов прекратился и плакальщики умолкли. На всех скалах собрались люди, чтобы взглянуть на царевича, и теперь они смотрели сверху, как верховный жрец Амона

исполнил ритуал отмыкания уст, возвращая Тутмосу его чувства для загробной жизни. Жрец был младше визирей, но все равно люди, подобные моему отцу, отступили, считаясь с его силой, когда жрец коснулся золотым анком губ фигуры на саркофаге и провозгласил:

— Царственный сокол взлетел на небо! На его месте появился Аменхотеп Младший!

Между скал свистел ветер, и мне почудилось, будто я услышала шелест соколиных крыльев, когда наследный царевич освободился от своего тела и взшел на небо. Народ вокруг заерзал. Дети выглядывали между ног родителей, пытаясь разглядеть нового наследника. Я тоже вытянула шею.

— Где он? — шепотом спросила я. — Где Аменхотеп Младший?

— В гробнице, — ответил мой отец.

Его лысая голова тускло поблескивала в лучах заходящего солнца, а лицо в сгущающихся тенях приобрело ястребиные черты.

— Разве он не хочет, чтобы народ увидел его? — удивилась я.

— Нет, сенит. — Так отец называл меня: «сенит», малышка. — До тех пор, пока он не получит то, что было обещано его брату.

Я недоуменно нахмурилась:

— А что?

Отец стиснул зубы.

— Соправление, — ответил он.

Когда церемония окончилась, солдаты растянулись цепочкой, чтобы никто из простолюдинов не последовал за нами в долину; предполагалось, что туда никто не пойдет, кроме небольшой группы, в которую входила и я. Позади тяжело дышали быки, влекущие свой золотой груз по песку. Со всех сторон нас окружали скалы, высящиеся на фоне темнеющего неба.

— Мы будем подниматься наверх, — предупредил отец, и моя мать слегка побледнела.

Мы с ней были кошками — мы боялись мест, которых не могли понять, долин, в которых спящие фараоны смотрели из своих тайных покоев. Нефертити — та вошла бы в эту долину, не замешкавшись ни на миг; она бесстрашием была подобна соколу, как и наш отец.

Мы шли под жутковатый грохот сistrумов; я смотрела, как на моих позолоченных сандалиях отражается угасающий свет. Когда мы поднялись на скалы, я остановилась, чтобы взглянуть на землю сверху вниз.

— Не останавливайся, — предостерег меня отец. — Иди дальше.

Мы продолжали с трудом идти через холмы, а быки с пытанием прокладывали себе путь по камням. Теперь жрецы шли впереди нас и несли факелы, освещавшие нам путь. Затем верховный жрец заколебался, и я испугалась, что он заблудился в темноте.

— Отвяжите саркофаг и распрягите быков, — распорядился жрец, и я увидела высеченный в скале вход в гробницу.

Дети заерзали, зашумев четками, а женщины, позвякивая браслетами, принялись переглядываться. Потом я увидела узкую лестницу, ведущую под землю, и поняла их страхи.

— Мне это не нравится, — прошептала мать.

Жрецы освободили быков от ноши и взвалили позолоченный саркофаг на плечи. Потом отец крепче сжал мне руку, чтобы подбодрить меня, и мы последовали за нашим мертвым царевичем в его покои, от света заходящего солнца в непроглядную тьму.

Осторожно, чтобы не оступиться на камнях, мы спустились в скользкие внутренности земли, стараясь держаться поближе к жрецам с их факелами. Внутри гробницы их свет отбрасывал тени на стены, на которых было изобра-

жено двадцать лет жизни Тутмоса в Египте. Женщины танцевали, знатные вельможи охотились, царица Тийя подносила своему старшему сыну лотос с медом и вино. В поисках поддержки я прижалась к руке матери, и, когда она не откликнулась, я поняла, что она мысленно возносит молитвы Амону.

Внизу спертый воздух сделался сырым и к запаху гробницы добавился запах земли. В свете факелов появлялись и исчезали изображения: раскрашенные желтым женщины и смеющиеся мужчины, дети, опускающие цветы лотоса в воды Нила. Но самым страшным был синеликий бог подземного мира, с посохом и цепом Египта в руках.

— Осирис, — прошептала я, но меня никто не услышал.

Мы продолжали спускаться в самые потаенные глубины земли, а затем вошли в комнату с высоким сводом, и я ахнула. Здесь были собраны все сокровища, принадлежавшие царевичу: раскрашенные баржи, позолоченные колесницы, сандалии, отделанные мехом леопарда. Мы прошли через эту комнату и вступили в самую отдаленную погребальную камеру. Отец наклонился ко мне и прошептал:

— Не забывай, что я тебе говорил.

В пустой комнате бок о бок стояли фараон и его царица. В свете факелов нельзя было разглядеть ничего, кроме их силуэтов и длинных саркофагов усопшего царевича. Я почтительно поклонилась, и моя тетя сдержанно кивнула мне; она запомнила меня во время ее нечастых визитов в Ахмим. Отец никогда не брал ни Нефертити, ни меня в Фивы. Он держал нас подальше от дворца с его интригами и похвальбой придворных. Сейчас, в дрожащем свете факелов, я заметила, что царица не изменилась за те шесть лет, что я ее не видела. Она по-прежнему была маленькой и бледной. Ее светлые глаза оценивающе взглянули на меня, когда я протянула руки в приветствии. Интересно, что она думает о моей темной коже и необычно

высоком росте? Я выпрямилась. Верховный жрец Амона открыл «Книгу мертвых» и принялся читать нараспев слова умирающих смертных, обращенные к богам.

— Позвольте душе моей прийти ко мне оттуда, где она есть. Придите за моей душой, о вы, Стражи небес. Пусть душа моя узрит мое тело, пусть она опочивает в моем мумифицированном теле, пусть оно никогда не будет уничтожено и не пострадает...

Я оглядела зал в поисках Аменхотепа Младшего. Он стоял в стороне от саркофага и каноп, сосудов, в которых внутренние органы Тутмоса должны были отправиться в загробную жизнь. Царевич был высок, выше меня, и красив, несмотря на светлые вьющиеся волосы. Я задумалась: можем ли мы ожидать от него великих свершений, если всегда предполагалось, что царствовать будет его брат? Аменхотеп передвинулся к изваянию богини Мут, и я вспомнила, что при жизни Тутмос очень любил кошек. С ним должны были похоронить его любимицу, Та-Мив, чье мумифицированное тельце лежало в отдельном золотом саркофаге. Я осторожно коснулась руки матери, и мать обернулась.

— Ее убили? — шепотом спросила я.

Мать, проследив за направлением моего взгляда, посмотрела на крохотный гробик рядом с саркофагом принца.

— Говорят, будто после смерти царевича она отказалась от пищи.

Верховный жрец затянул Песнь души, плач, обращенный к Осирису и богу с головой шакала, Анубису. Затем он закрыл «Книгу мертвых» и объявил:

— Благословение внутренних органов!

Царица Тийя сделала шаг вперед. Она опустила на колени, встав прямо на землю, и по очереди поцеловала все канопы. Затем то же самое проделал фараон. Я увидела, как он резко обернулся, взглядом отыскивая в темноте младшего сына.

— Теперь ты, — приказал фараон.

Его младший сын не шелохнулся.

— Теперь ты! — прикрикнул фараон, и эхо многократно усилило его голос.

Все затаили дыхание. Я посмотрела на отца; он угрюмо покачал головой.

— Почему я должен склоняться перед ним? — с негодованием произнес Аменхотеп. — Он отдал бы Египет жрецам Амона, как и все цари до него!

Я в испуге прикрыла рот ладонью. На мгновение мне показалось, что сейчас Старший кинется через погребальную камеру, чтобы убить его. Но Аменхотеп был его единственным оставшимся в живых сыном, единственным законным наследником египетского трона, и народ ожидал, что его сделают соправителем отца, как всегда делалось с наследным царевичем, достигшим семнадцатилетия. Старший будет фараоном Верхнего Египта и Фив, а Аменхотепу предстоит править Нижним Египтом из Мемфиса. Если и этот его сын умрет, род Старшего пресечется. Царица быстро подошла к младшему сыну.

— Ты благословишь внутренности твоего брата! — приказала она.

— Почему?

— Потому что он — царевич Египта!

— И я тоже! — яростно произнес Аменхотеп.

Царица Тийя сощурилась.

— Твой брат служил нашему царству, вступив в войско. Он был верховным жрецом Амона, посвященным богам.

Аменхотеп расхохотался.

— Так ты любила его сильнее потому, что он мог убивать то, что благословлял?

Царица Тийя гневно втянула воздух.

— Иди к своему отцу. Попроси его, чтобы он сделал тебя солдатом. А потом посмотрим, какой из тебя выйдет фараон.

Аменхотеп развернулся и порывисто склонился перед фараоном.

— Я стану воином, как мой брат, — поклялся он.

Подол его белого плаща скользнул по земле, и визири покачали головами.

— Мы с тобой вместе сможем возвысить Атона над Амоном, — пообещал царевич. — Мы сможем править так, как некогда представлял себе твой отец.

Фараон вцепился в свой посох, как будто тот мог подержать его клонящуюся к концу жизнь.

— Это было ошибкой — растить тебя в Мемфисе, — заявил он. — Нужно было растить тебя вместе с твоим братом. Здесь, в Фивах.

Аменхотеп быстро поднялся и распрямил плечи.

— У тебя остался только я, отец. — Он протянул руку старику, завоевавшему дюжину стран. — Вот, возьми. Возможно, я не воин, но я построю царство, которое будет стоять вечно.

Когда стало понятно, что фараон не возьмет руку Аменхотепа, мой отец шагнул вперед, чтобы выручить принца из неловкого положения.

— Позволь твоему брату упокоиться с миром, — негромко попросил он.

Аменхотеп наградил своего отца взглядом, от которого даже Анубису стало бы не по себе.

До той поры, когда мы вернулись к баржам и поплыли через Нил и плеск воды заглушил наши голоса, никто не осмеливался заговорить.

— Он ненадежен, — сказал мой отец, когда мы уже плыли обратно в Ахмим. — На протяжении трех поколений наша семья давала женщин фараонам Египта. Но я не отдам свою дочь этому человеку.

Я завернулась поплотнее в шерстяной плащ. Отец говорил не обо мне. Он имел в виду мою сестру, Нефертити.

— Если Аменхотеп станет соправителем своего отца, ему потребуется главная жена, — сказала мать. — Ею станет либо Нефертити, либо Кийя. А если это будет Кийя...

Она не договорила, но все мы понимали, что она имеет в виду. Если это будет Кийя, то визирь Панахеси получит власть над Египтом. Это будет легко и логично — сделать его дочь царицей: Кийя уже замужем за Аменхотепом и почти три месяца как беременна его ребенком. Но если она станет главной женой, нашей семье придется склониться перед Панахеси, а это невыносимо.

Отец поерзал на подушках и задумался; слуги гребли на север.

— Нефертити было обещано, что она станет женой царя, — добавила моя мать. — Ты сам ей это говорил.

— Когда был жив Тутмос! Тогда все было спокойно и считалось, что Египтом будет править...

Отец закрыл глаза.

Я смотрела, как над баркой восходит луна. Когда времени прошло достаточно, я решила, что уже безопасно будет задать вопрос.

— Отец, а что такое Атон?

Отец открыл глаза.

— Солнце, — ответил он, глядя на мою мать.

Они обменивались не словами, но мыслями.

— Но ведь Амон-Ра — бог солнца.

— А Атон — само солнце, — объяснил отец.

Я ничего не поняла.

— Но почему Аменхотеп хочет построить храмы богу солнца, о котором никто не слыхал?

— Потому что, если он построит храмы Атону, жрецы Амона станут не нужны.

Я была потрясена.

— Он хочет избавиться от них?

— Да. — Отец кивнул. — И пойти против законов Маат.

Я задохнулась. Никто не идет против богини истины и справедливости.

— Но почему?

— Потому что наследный царевич слаб, — сказал отец. — Потому что он слабый и ограниченный человек, и тебе следует научиться распознавать людей, которые боятся других людей, наделенных властью, Мутноджмет.

Мать бросила на него быстрый взгляд. То, что сказал сейчас мой отец, было государственной изменой, но его никто не услышал за плеском весел.

Нефертити ждала нас. Она поправлялась после лихорадки, но даже и сейчас сидела в саду, примостившись у пруда с лотосами, и лунный свет играл на ее изящных руках. Завидев нас, сестра встала, и я ощутила некое торжество при мысли о том, что я присутствовала при погребении царевича, а она была слишком больна, чтобы отправиться туда. Однако же когда я увидела написанное на лице Нефертити нетерпение, ощущение вины быстро смыло это чувство.

— Ну, как оно?

Мне хотелось, чтобы она меня порасспрашивала, но я не смогла проявить жестокость, какую, несомненно, проявила бы сама Нефертити.

— Просто потрясающе! — выпалила я. — А саркофаг...

— Ты почему не в постели? — сердито спросила моя мать.

Она не была матерью Нефертити — только моей. Мать Нефертити умерла, когда той было два года; она была царевной Митгани и первой женой моего отца. Именно она дала Нефертити это имя, означающее «Красавица грядет». Хоть мы с Нефертити и родственницы, мы совершенно несхожи. Нефертити миниатюрная и бронзовокожая, с черными волосами, темными глазами и высокими скулами, а я — смуглая, и лицо у меня узкое и совершенно неприметное. Мать после рождения не стала давать мне имя, связанное с красотой. Она назвала меня Мутноджмет — «Милое дитя богини Мут».

— Нефертити должна лежать в постели, — сказал отец. — Она нездорова.

И хотя он должен бы был сделать выговор моей сестре, он обратился ко мне.

— Со мной все будет в порядке, — пообещала Нефертити. — Видишь, мне уже лучше.

Она улыбнулась отцу, и я повернулась взглянуть на его реакцию. Как и всегда, отец посмотрел на нее ласково.

— И тем не менее у тебя жар, — отрезала мать, — и ты пойдешь в постель.

Мы подчинились и отправились в дом; когда мы улеглись на наши тростниковые циновки, Нефертити легла на спину. Ее профиль отчетливо выделялся в лунном свете.

— Ну так как оно было?

— Страшновато, — призналась я. — Гробница была огромная. И темная.

— А люди? Много там было народу?

— О, сотни. Может, даже тысячи.

Нефертити вздохнула. Она упустила шанс покрасоваться.

— А новый наследник трона?

Я заколебалась.

— Он...

Нефертити уселась и кивнула мне, чтобы я продолжала.

— Он странный, — прошептала я.

Темные глаза Нефертити блестели в лунном свете.

— Что ты имеешь в виду?

— Он одержим Атоном.

— Чем-чем?

— Символом солнца, — пояснила я. — Как можно чтить образ солнца, а не Амона-Ра, управляющего им?

Нефертити это не взволновало.

— Что еще?

— Еще он высокий.

— Ну, не может быть, чтобы он был намного выше тебя. Я пропустила мимо ушей ее шпильку.

— Он намного выше. На две головы выше отца. Нефертити обхватила себя руками за колени.

— Что ж, это должно быть интересно.

Я нахмурилась:

— Что?

Нефертити не объяснила.

— Так что должно быть интересно? — повторила я.

— Брак, — непринужденно отозвалась сестра, укладываясь обратно и натягивая на себя льняное покрывало. — Теперь, когда коронация близка, Аменхотеп должен выбрать главную жену. Почему бы не меня?

Почему бы не ее? Она красива, она получила хорошее образование, она дочь царевны Миттани. Я ощутила укол зависти, но вместе с ним — и страх. Нефертити была рядом всегда, всю мою жизнь.

— Конечно же, ты поедешь со мной, — зевнув, произнесла она. — Ты будешь моей главной придворной дамой, пока не вырастешь достаточно, чтобы выйти замуж.

— Мать не позволит мне отправиться во дворец одной.

— А ты и не будешь одна. Она тоже поедет.

— Во дворец?! — воскликнула я.

— Мутни, семья главной жены едет с ней. Наш отец — величайший вельможа этой страны. Наша тетя — царица. Кто посмеет возразить?

Посреди ночи, когда за стенами нашей комнаты лежала непроглядная тьма, к нам вошла служанка и подняла лампу над головой Нефертити. Я проснулась от яркого света и увидела лицо моей сестры, освещенное золотистым светом, безукоризненное даже во сне.

— Госпожа! — позвала служанка, но Нефертити не шелохнулась. — Госпожа! — повторила она уже погромче. Она взглянула на меня, и я растолкала Нефертити. — Госпожа, визирь Эйе хочет поговорить с тобой.

Я быстро села.

— Что-то случилось?

Но Нефертити не произнесла ни слова. Она быстро накинула платье, сняла со стены масляную лампу и прикрыла трепещущий огонек ладонью.

— Что случилось? — спросила я, но она не ответила, лишь дверь тихо затворилась за нею.

Я ждала возвращения сестры; к тому времени, как она вернулась, луна уже превратилась в желтый диск высоко в небе. Я с трудом приподнялась с соломенного тюфяка.

— Где ты была?

— Отец хотел поговорить со мной.

— С одной? — недоверчиво переспросила я. — Посреди ночи?

— Ночь лучше всего — все пронырливые слуги спят. Тут до меня наконец-то дошло.

— Он не хочет, чтобы ты выходила замуж за Аменхотепа, — сказала я.

Нефертити повела плечом, изображая застенчивость.

— Я не боюсь Кийи.

— Отец беспокоится из-за визиря Панахеси.

— Я хочу быть главной женой, Мутноджмет. Я хочу быть царицей Египта, как моя бабушка была царицей Миттани.

Нефертити уселась на тюфяк. Мы посидели молча, освещаемые лишь светом лампы, которую она принесла с собой.

— И что сказал отец?

Нефертити снова повела плечом.

— Он рассказал тебе, что произошло в гробнице?

— Только то что царевич отказался целовать канопы, — отмахнулась Нефертити. — Какое это имеет значение, если в результате я буду сидеть на троне Хора? Аменхотеп будет фараоном Египта, — добавила она таким тоном, словно это решало все. — И отец уже сказал «да».

— Он сказал «да»? — Я сбросила льняное покрывало. — Но он не мог! Он сказал, что царевич ненадежен! Он поклялся, что никогда не отдаст дочь этому человеку!

— Он передумал. — В неровном свете лампы я увидела, как Нефертити улеглась и укрылась. — Ты не принесешь мне сока с кухни? — попросила она.

— Сейчас ночь, — напряженно, неодобрительно заметила я.

— Но я же болею, — напомнила Нефертити. — У меня лихорадка.

Я заколебалась.

— Пожалуйста, Мутни. Ну пожалуйста!

Ладно, схожу — но только потому, что у нее лихорадка.

На следующее утро наставники окончили наши уроки пораньше. Нефертити не выказывала никаких признаков нездоровья.

— Но нам не следует утомлять ее, — сказал отец.

Мать с ним не согласилась:

— Раз она скоро выйдет замуж, ей нужно успеть узнать побольше. Она должна научиться всему, чему можно.

Моя мать, выросшая не среди знати, в отличие от первой жены отца, понимала, как важно хорошее образование, ибо ей пришлось самой прокладывать себе дорогу — в юности она была женой простого деревенского жреца. Но отец поднял ладонь:

— Чему еще ей учиться? Она превосходно знает языки, а в письме она искуснее дворцовых писцов.

— Она не знает лекарственных трав, как Мутни, — заметила мать.

Я задрала нос, но отец сказал лишь:

— Это дар Мутноджмет. У Нефертити другие таланты.

Мы дружно посмотрели на сестру, сделавшуюся центром внимания; она сидела в своем облегающем белом платье, опустив ноги в пруд с лотосами. Ранофер, сын мест-

ного врача, принес ей цветы, охапку белых лилий, перевязанную веревочкой. Вообще-то он вроде как был моим учителем и должен был преподавать мне тайны врачевания и трав, но он куда больше времени глазел на мою сестру.

— Нефертити очаровывает людей, — одобрительно произнес отец, — а тех, кого не очаровывает, она с легкостью может перехитрить. Зачем ей травы и врачевание, если она хочет властвовать над людьми?

Мать нахмурилась:

— Если это одобрит царица.

— Царица — моя сестра, — просто произнес отец. — Она возьмет Нефертити в великие жены фараона.

Но я заметила в его глазах беспокойство. Принц, осквернивший погребальную камеру родного брата, человек, не способный совладать со своими чувствами... Что из него будет за фараон? Что за муж?

Мы стояли и втроем смотрели на Нефертити, пока она не заметила, что мы за ней наблюдаем. Она поманила меня пальцем. Я подошла к пруду, у которого сидели и смеялись моя сестра и мой наставник.

— Добрый день, Мутноджмет.

Ранофер улыбнулся мне, и на мгновение я позабыла, что хотела ему сказать.

— Сегодня я попробовала алоэ, — сказала я наконец. — Оно вылечило ожоги нашей служанке.

— В самом деле? — Ранофер сел. — Что еще?

— Я смешала его с лавандой, и опухоль сделалась меньше.

Ранофер широко улыбнулся:

— Ты превосходишь мои знания, госпожа моя.

Я просияла, гордясь своей изобретательностью.

— Теперь я хочу попробовать...

— Поболтать о чем-нибудь интересном? — Нефертити вздохнула и откинулась назад, купаясь в солнечном свете. — Скажи, о чем сейчас говорил отец?

— Когда — сейчас?

Из меня ужасно скверная лгунья.

— Да. Когда вы там стояли и подсматривали за мной. Я покраснела.

— Он говорил о твоём будущем.

Нефертити села; пряди черных волос скользнули по подбородку.

— И?

Я помедлила, не понимая, следует ли мне рассказывать ей об остальном. Нефертити ждала.

— И что, возможно, сюда приедет царица, — наконец отозвалась я.

С лица Ранофера тут же исчезла улыбка.

— Но если она приедет, — он повысил голос, — вы покинете Ахмим!

Нефертити недовольно взглянула на меня поверх головы Ранофера.

— Не волнуйся, — беспечно пообещала она. — Ничего не случится.

На миг между ними что-то повисло, потом Ранофер взял Нефертити за руку, и они встали.

— Куда вы? — воскликнула я, но Нефертити не ответила, и потому я обратилась к моему наставнику: — А как же наш урок?

— Позже.

Ранофер улыбнулся, но взгляд его был устремлен на мою сестру.

К нам дошла весть, что царица намерена посетить наше поместье в Ахмиме. Нефертити тайком ходила молиться в наш семейный храм, ставя к ногам Амона чаши с нашим лучшим медовым вином и обещая ему все, что только можно, если только он приведет царицу в наш город. Теперь, когда Амон, похоже, исполнил ее просьбу, Нефертити пришла в такое волнение, что сделалась невыносима. По-

ка сестра прихорашивалась, мать носилась по дому, набрасываясь и на рабов, и на слуг.

— Мутни, позаботься, чтобы полотенца были чистые. Нефертити — чаши, пожалуйста. Проследи, чтобы слуги их вымыли. Все до единой!

Слуги вытряхивали отделанные бахромой драпировки со стен, а мать расставляла наши лучшие инкрустированные кресла в зале приемов — туда царица войдет первым делом. Царица Тийя приходилась моему отцу сестрой; она была женщиной суровой и не одобрила бы неряшливости. Полы на кухне были отдраены до блеска, хотя царица и близко бы не подошла к кухне, а в пруд с лотосами запустили оранжевых рыб. Даже Нефертити что-то делала — она и вправду проверила, вымыты ли чаши, а не просто сделала вид. Через шесть дней Аменхотеп Младший будет коронован в Карнаке и станет соправителем своего отца. Даже я понимала, что означает этот визит. Царица не появлялась в Ахмиме больше шести лет. Причина у нынешнего визита может быть только одна — брак.

— Мутни, пойдй помоги сестре одеться, — велела мать.

Нефертити была в нашей комнате — стояла перед зеркалом. Она отбросила темные волосы с лица, воображая, что на ней корона Египта.

— Да, — прошептала она, — я буду величайшей царицей, равной которой Египет еще не видал.

Я фыркнула.

— Ни одна царица не превзойдет нашу тетю.

Нефертити развернулась.

— Есть еще Хатшепсут. А наша тетя не носит двойную корону Египта.

— Ее может носить только фараон!

— И что же она получает, хотя командует войском и ведет переговоры с иноземными правителями? Ничего! Всю славу пожинает ее муж. Когда я буду царицей, мое имя войдет в вечность!

Я знала, что нет смысла спорить с Нефертити, когда она в таком состоянии. Я смешала сурьму, протянула кувшинчик сестре и стала смотреть, как она красится. Нефертити накрашила глаза, подвела брови и стала выглядеть старше своих пятнадцати лет.

— Ты вправду думаешь, что станешь главной женой? — спросила я.

— А кого наша тетя предпочтет видеть матерью наследника? Простолюдинку, — Нефертити наморщила нос, — или свою племянницу?

Я была простолюдинкой, но Нефертити не это имела в виду. Она говорила о дочери Панахеси, Кийе, которая была дочерью знатной женщины, — а Нефертити была внучкой царицы.

— Найди мое льняное платье и золотой пояс, — сказала Нефертити.

Я прищурилась.

— Если ты выходишь замуж, это еще не значит, что я твоя рабыня!

Нефертити улыбнулась.

— Ну пожалуйста, Мутни! Я знаю, что без тебя не справлюсь.

И она продолжила глядеться в зеркало, пока я перекапывала ее сундуки в поисках платья, которое она надевала только на празднества. Потом я вытащила золотой пояс, но Нефертити запротестовала:

— Нет, с ониксом, а не с бирюзой!

— У тебя что, нет для этого слуг? — возмутилась я.

Нефертити пропустила мои слова мимо ушей и протянула руку за поясом. Лично мне тот, который с бирюзой, нравился больше. Раздался стук, и в дверном проеме появилась служанка моей матери, раскрасневшаяся от волнения.

— Ваша мать велит поторопиться! — выкрикнула девушка. — Наблюдатели заметили караван!

Нефертити посмотрела на меня.

— Подумай об этом, Мутни. Ты будешь сестрой царицы Египта.

— Если ты понравишься царице, — отрезала я.

— Конечно понравлюсь.

Нефертити снова взглянула на свое отражение, на хрупкие плечи цвета меда и пышные черные волосы.

— Я буду мила и очаровательна. Ты только подумай, что мы сможем делать, когда поселимся во дворце!

— Мы и тут много чего можем делать, — возразила я. — Чем плох Ахмим?

Нефертити еще раз прошла расческой по волосам.

— Тебе не хочется повидать Карнак и Мемфис и стать придворной?

— Отец — придворный. Он говорит, что устает от бесконечных разговоров о политике.

— Ну, это отец. Он привык каждый день бывать во дворце. А что нам делать тут? — недовольным тоном осведомилась Нефертити. — Ждать, пока царевич умрет, чтобы нам можно было отправиться посмотреть мир?

Я задохнулась от ее слов.

— Нефертити!

Сестра весело рассмеялась. Тут в дверном проеме оставилась, тяжело дыша, моя мать. На ней были ее лучшие украшения и тяжелые браслеты, которых я раньше не видела.

— Ты готова?

Нефертити встала. Ее платье было полупрозрачным, и мне стало завидно при виде того, как ткань натянулась на ее бедрах и подчеркнула тонкую талию.

— Подожди. — Мать взмахнула рукой. — Нужно еще ожерелье. Мутни, пойдя принеси золотое ожерелье.

Я ахнула:

— Твое ожерелье?

— Конечно. Поскорее! Стражник пропустит тебя в сокровищницу.

Меня потрясло то, что мать позволила Нефертити надеть ожерелье, которое отец подарил ей на свадьбу. Похоже, я недооценила, насколько визит нашей тети важен для нее. Для всех нас. Я поспешила в сокровищницу, расположенную в дальней части дома; стражник поднял на меня взгляд и улыбнулся. Я была выше его на голову. Я покраснела.

— Мать хочет ожерелье для моей сестры.

— Золотое ожерелье?

— А что, тут есть другое?

Стражник вскинул голову.

— Да... Должно быть, что-то важное творится. Говорят, сегодня приезжает царица?

Я подбочилась, давая ему понять, что я жду.

— Ну ладно, ладно...

Он спустился в подземную комнату и вернулся с драгоценным украшением, которое должно было когда-нибудь стать моим.

— Должно быть, твоя сестра выходит замуж, — сказал он.

Я протянула руку.

— Ожерелье.

— Из нее получится хорошая царица.

— Все так говорят.

Стражник улыбнулся с таким видом, словно знал, что я об этом думаю, — вот ведь любопытный старый осел! — потом протянул мне ожерелье, и я выхватила украшение у него из рук. Я помчалась обратно к себе в комнату, прижимая ожерелье к груди, словно награду. Нефертити посмотрела на мою мать:

— Ты уверена?

Она взглянула на золото, и в ее глазах отразился его блеск.